

УДК 821.161.1

В. С. Шарапова,

филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. А. В. Подворная

Переосмысление евангельского сюжета в повести Л. Андреева «Иуда Искариот»

Статья посвящена повести Леонида Андреева «Иуда Искариот», в которой, используя библейский сюжет и библейские образы, писатель предлагает читателям обратить внимание на то, что упускалось в Священном Писании, открывает новые смыслы в истории предательства Христа и неоднозначность задействованных в ней лиц.

Ключевые слова: «Иуда Искариот», Леонид Андреев, модернизм, библейский сюжет, библейские образы, интертекстуальность.

Повесть «Иуда Искариот» (1907) — одно из самых значимых произведений Леонида Андреева. Новизна и парадоксальность текста уже в том, что в центре внимания оказывается Иуда — один из немногих образов европейской культуры, который на протяжении множества веков понимался однозначно отрицательно. Перекраивая многовековые образы, «Андреев помогает читателю “перечитать” Священное Писание, взглянуть на него незамутненным взором и, может быть, обнаружить новые смысловые грани в безусловных, казалось бы, истинах» [3, с. 14].

А. В. Татаринцов отметил важность фигуры повествователя, не отрицающего реальность евангельских событий, но становящегося иным информатором, «как бы потерянным традицией лицом, сообщающим о том, о чем умолчали канонические евангелисты» [4, с. 304]. Повествователь Андреева находится в положении свободного зрителя, а не участника действия, тем самым обретая независимость: «из боговдохновенного летописца <...> превращается в критического наблюдателя» [4, с. 304].

Образ Христа, занимающий центральное место в Священном Писании, отходит в повести Андреева на второй план. Писатель сохраняет ощущение святости, присущее фигуре Иисуса, и значительности его роли в судьбе человечества, но основное внимание обращает на поведение и характеры жителей Иудеи, первосвященника Анны, учеников Христа и предателя Иуды.

Уже отмечалось, что Андреев значительно снижает образы учеников, даже изображает их в «сатирическом контексте» [4, с. 306]. В их характерах подчеркивается подверженность земным страстям, их несовершенная человеческая приро-

да. При первой встрече с Иудой Иоанн «брезгливо отодвинулся» [1, с. 137], в репликах Петра слышится намек на зависть: «Господи! я не хочу, чтобы Иуда был сильнее меня» [1, с. 152]. Спор Петра и Иоанна о том, кто будет «первым возле Христа в его небесном царствии» [1, с. 160], наводит на мысли о гордыни.

Еще в более невыгодном свете предстает общество, обличителем которого становится Иуда: «каждый человек <...> совершил в своей жизни какой-нибудь дурной поступок или даже преступление. Хорошими же людьми <...> называются те, которые умеют скрывать свои дела и мысли» [1, с. 141]. Подобное мнение героя резко противоречит христианскому учению, но Андреев словно специально разными эпизодами подчеркивает правоту Искариота. Например, после того как Иисус с учениками покинули одно из селений, там пропал козленок, и в этой пропаже обвинили ушедших. Козленка вскоре нашли, но жители «всё-таки решили, что Иисус обманщик и, может быть, даже вор» [1, с. 145]. Этот случай заставляет усомниться в людях многих учеников; твердую веру в человека, доброту и терпимость сохраняет только Иисус, для других же героев достаточно одного случая, чтобы усомниться. Подобное происходит и когда выясняется, что Иуда утаил несколько динариев: все ученики приходят в негодование, забывая о человеколюбии и всепрощении, которым учил их Иисус. Философия Иуды, в этом свете, оказывается уже не его личной уверенностью в злых помыслах и греховности людей, а уверенностью, свойственной всему обществу, Искариот просто единственный, кто говорит об этом вслух. По словам А. В. Татаринцова, «толпа — главный “антихрист” всех апокрифических сюжетов Андреева» [4, с. 306]. Казнь

Христа представляется через голос Искарота как «второе грехопадение» [4, с. 306] человечества: Сын Божий убит «при трусливом согласии большинства» [4, с. 306]. По мнению А. В. Богданова, Андреев тем самым стремится показать читателю то, что упускалось раньше: «людей, легко предающих своих кумиров, кричащих “Распни!” так же громко, как и “Осанна!”» [2, с. 28].

На общем фоне, бесспорно, выделяется образ самого Христа, всепрощающего, исполненного недостижимой божественной святости и неземной мудрости. Но выделяется и образ Иуды: подчеркнуто безобразный, не гнушающийся лжи и лести, ненавидящий и презирающий людей. Еще в начале повести упоминается «странная близость божественной красоты и чудовищного безобразия» [1, с. 139]. Парадоксальность и противоречивость этого героя подчеркивает А. В. Богданов: «это одновременно циничный самовлюбленный интриган и гордый, смелый борец с “неизбывной человеческой глупостью”; гнусный предатель лучшего из людей и единственный среди всех учеников искренне и самоотверженно его любящий» [2, с. 28].

Изложение Андреевым истории предательства оказывается не менее парадоксальным, чем образ предателя. Первосвященник Анна, предлагая Иуде 30 серебряников за предательство Христа, произносит важную для понимания авторской позиции фразу: «Если не хочешь, то ступай. Мы найдем человека, который продаст дешевле» [1, с. 166]. Если бы предательство не совершил Иуда, его совершил бы кто-то другой: предателем мог стать кто угодно. Очень трагично, с сочувствием, прописан Андреевым монолог Иуды перед сценой в Гефсиманском саду: «Ты знаешь, куда иду я, Господи? Я иду предать тебя в руки твоих врагов. <...> Ты молчишь, Господи? Ты приказываешь мне идти? <...> Позволь мне остаться. Но ты не можешь? Или не смеешь? Или не хочешь? <...> Но ведь ты знаешь, что

я люблю тебя. <...> Повели мне остаться!.. <...> Господи, Господи, затем ли в тоске и муках искал я тебя всю мою жизнь, искал и нашел! Освободи меня. Сними тяжесть, она тяжелее гор и свинца. Разве ты не слышишь, как трещит под нею грудь Иуды из Кариота?» [1, с. 176]

Иуда лучше других героев видит греховность и слабость людей, видит он и собственные грехи. Он уверен, что смирение и любовь бессильны против людской жестокости. Иисус, по его мнению, нуждается в защите, в ком-то, кто сможет общаться с людьми на их языке и бороться с их жестокостью их же методами. Неоднократно он призывает учеников защищать Христа во что бы то ни стало: «Нужно заступиться за Иисуса, когда придет на то время» [1, с. 171]. Бездействие же учеников, их отказ от борьбы, когда за Иисусом приходит стража, Иуда считает не меньшим предательством, чем собственный поступок. И его обличительная речь после того, как казнь совершена, звучит особенно значительно и заставляет читателя о многом задуматься. Возникает важная для Андреева тема несвободы человека («зачем тебе душа, если ты не смеешь бросить ее в огонь, когда захочешь!» [1, с. 198]). Иуда отвергает представления о добровольной и «прекрасной» [1, с. 199] жертве Христа: «Разве есть прекрасная жертва <...>? Где жертва, там и палач, и предатели там! Жертва — это страдания для одного и позор для всех. Предатели, предатели, что сделали вы с землею? <...> Нет, вы на себя взяли весь грех. <...> Слепцы, что сделали вы с землею? Вы погубить ее захотели, вы скоро будете целовать крест, на котором вы распяли Иисуса!» [1, с. 199] Эти слова противоречат евангельскому учению, но под пером Андреева получают право на существование. Шанс рассказать свою правду получает даже Иуда, становясь неузнанным трагическим героем, и тем самым, хотя бы косвенно, получает оправдание.

1. Андреев Л. Н. Иуда Искариот // Андреев Л. Н. Проза. — М. : АСТ, 2007. — С. 134–202.

2. Богданов А. В. Между стеной и бездной // Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. Рассказы 1898–1903 гг. / сост. и подг. текста В. Александрова и В. Чувакова ; коммент. В. Чувакова. — М. : Художественная литература, 1990. — С. 5–40.

3. Кольцова Н. Художественный мир Леонида Андреева // Андреев Л. Н. Цветок под ногою. — М. : Детская литература, 2007. — С. 7–18.

4. Татаринцов А. В. Леонид Андреев // История русской литературы конца XIX — начала XX века : в 2 т. / под ред. В. А. Келдыша. — М. : Академия, 2009. — Т. 2. — С. 286–339.